

IJTIMOIIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

ISSN 3060-5059

VOL.3 № 5

2026

AVTOBIOGRAFIK ASARDA SHAXS VA INDIVIDUALLIK MUAMMOSINING TALQINI

Ismailova Xurliman Najimatdinovna
Qoraqalpoq davlat universiteti, PhD, dotsent

Annotatsiya

Maqolada badiiy psixologizm Abdulla Qodiriyning shaxsini xotira (memuar) va hujjatli-badiiy nasrda talqin etishning muhim vositasi sifatida yoritiladi. Xususan, Habibullo Qodiriyning “Otam haqida” hamda Xurshid Do’stmuhammadning “Yolg‘iz” asarlari asosida yozuvchining ichki refleksiyasi, axloqiy mas’uliyati va ijtimoiy bosim sharoitidagi ma’naviy barqarorligi ifoda usullari tahlil qilinadi. Psixologik yo‘nalish syujet va kompozitsiya mazmuniy muvozanatini ta’minlab, ruhiy-estetik pafosni kuchaytirishi hamda Qodiriyning “yolg‘iz hodisa” sifatidagi obrazini shakllantirishi ko‘rsatiladi. Shuningdek, uning dunyoqarashining ma’naviy-axloqiy yadrosini, jumladan, islomiy tushunchalarning badiiy ifodasi masalasini yanada xolis o‘rganish zarurati ta’kidlanadi.

Kalit so‘zlar: shaxs, shaxsiyat, xarakter, obraz, syujet, xotira, esse, vaqt, tasvir, talqin, modus.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Исмаилова Хурлиман Нажиматдиновна
Каракалпакский государственный университет, PhD, доцент

Аннотация

Статья посвящена художественному психологизму как способу репрезентации личности Абдуллы Кадыри в мемуарной и документально-художественной прозе. На материале воспоминаний Хабибулло Кадыри «Отам хақида» («Об отце») и повести Хуршида Дуستمухаммада «Ёлғиз» («Одинокий») анализируются механизмы передачи внутренней рефлексии писателя, его нравственной ответственности и духовной устойчивости в условиях общественного давления. Показано, что психологическая организация повествования обеспечивает смысловой баланс сюжета и композиции, усиливая духовно-эстетический пафос и формируя образ Кадыри как уникального «одинокого явления». Отдельно обозначается перспектива дальнейшего изучения духовно-нравственного ядра его мировоззрения, включая проблему художественного воплощения исламских понятий.

Ключевые слова: личность, характер, образ, сюжет, мемуары, эссе, время, изображение, интерпретация, модус.

INTERPRETATION OF THE PROBLEM OF PERSONALITY AND INDIVIDUALITY IN AN AUTOBIOGRAPHICAL WORK

Ismailova Khurliman Najimatdinovna
Karakalpak State University, PhD, Associate Professor

Abstract

The article examines artistic psychologism as a key means of representing Abdulla Qodiriy’s personality in memoir and documentary-fiction prose. Drawing on Habibullo Qodiriy’s “About My Father” (“Otam haқиda”) and Khurshid Dostmuhammad’s “Lonely” (“Ёлғиз”), it analyzes how the writer’s inner reflection, moral responsibility, and spiritual resilience under social pressure are conveyed. The study shows that psychological narration sustains the semantic balance of plot and composition, intensifies the spiritual and aesthetic pathos, and shapes A. Qodiriy’s image as a unique “solitary phenomenon.” The article also highlights the need for further impartial research into the ethical core of his worldview, including the artistic embodiment of Islamic concepts.

Keywords: personality, individuality, character, image, plot, memoir, essay, time, representation, interpretation, mode.

Хотя своеобразие художественно-эстетического мира Абдуллы Кадыри получило признание благодаря глубоким и оригинальным интерпретациям таких литературоведов, как И. Султон, М. Кушжонов, О. Шарафиддинов, Н. Каримов, У. Норматов, Б. Карим и др., отдельные стороны личной биографии этого выдающегося автора – в том числе те, которые до сих пор

остаются недостаточно осмысленными, – ещё не получили столь же обстоятельного освещения, какое представлено, например, в мемуарном произведении Хабибулло Кадыри «Отам хақида» («Об отце»). Если рассматривать проблему именно под этим углом, то ключевые условия художественности – ответственность личности и творческого акта, феномен человека и его приобщённость к «источнику вечной жизни», а также их утверждение в целостности с высшими нравственными достоинствами – в поисках Х. Кодирий начинают звучать в иных смысловых и художественных тональностях.

Профессор Х. Умуров, системно и основательно занимавшийся романом «Минувшие дни» и глубоко исследовавший психическое состояние А. Кадыри и персонажей произведения, отмечает: «Переход анализа человеческой психики, её глубокого понимания и мастерства художественного изображения в разряд признаков, определяющих фундаментальную сущность литературы, не был мгновенным. На различных этапах литературного развития данная проблема осмыслялась по-разному. Так, в «Поэтике» Аристотеля отмечается, что основным признаком художественного произведения является изображение внешних событий, тогда как характер выступает явлением вторичным, следующим за описанием внешнего. Если рассматривать проблему психологизма с позиций творческих методов и их эстетики, становится очевидным, что в соответствии с требованиями времени и эпохи её трактовка постепенно приобретала всё более реалистический и всё более выразительный характер.» [3, 12] Следовательно, становится очевидным, что художественный психологизм является одним из средств, обеспечивающих равновесие сюжета и композиции любого произведения, раскрывающих внутренние основания изображаемой действительности и усиливающих пафос духовного и эстетического переживания.

“Баъзи кишилар бирон масала тўғрисида мендан маслаҳат ёки изоҳ сўраб қолишади. Менда эса сўраган масала ҳақида маълумот йўқ ёки бўлса ҳам дарҳол ўйлаб эпақали бир жавоб қилишга ҳозир эмасман. Бунинг устига жавоб қутувчининг тикилиб қараб туриши мени яна ҳам шошириб, фикримни чувлаштириб қўяди... Шу ҳолатда бирдан ихтиёрсиз равишда бир сўз айтиб юбораман... Жавобга қийналаётганимни сезиб турган қаршимдаги шахс эса ажаблангандай менга қарайди. Чунки жавобим негадир қутилмаганда, ўринли, маъноли бўлиб чиқади...

– Ҳайронман, - деган эдилар дадам яна бир оилавий суҳбатда жавобланиб сўзлаб, – баъзан кечаси уйқумда қулоқларим тагида қандайдир машқ чалингандай бўлади. Машқ баъзан ҳазин, баъзан шўх, баъзан қарсак базм бўлаётгандай эшитилади. Нимадир мени қитиқлагандай, қулдираётгандай бўлади-да, уйғониб кетаман. Атрофимда ҳеч нарса йўқ, яна кўз юмаман. Яна шу машқ, шу базм эшитилади. Уйқум ўчиб, чироқ ёқиб ишга ўтираман...” [9, 60]

В приведённом фрагменте А. Кадыри, характеризуя особенность своего поведения и характера в процессе работы, позволяет вновь зримо представить и его интеллектуальную тонкость, и мудрость, и подлинно человеческие достоинства, проявляющиеся в его нраве. Описываемая ситуация относится к периоду, когда А. Кадыри ещё не был арестован, а вокруг его имени активно распространялись различные слухи. Вместе с тем данный эпизод даёт возможность приблизиться и к формированию более целостного представления о его самооценке и внутренней рефлексии. Психический процесс уподобляется огню, в котором могут соединяться гнев и сострадание, радость и печаль, образуя сущностную целостность живого организма. Общая психологическая направленность мемуарного повествования обнаруживается в той же логике и тем самым укрепляет исследовательскую уверенность в возможности проникновения в самые скрытые «углы» жизненного опыта. Поэтому утверждение о том, что загадка существования, а также своеобразная проекция философии причинности и следствий составляют неотъемлемую часть целостного мира А. Кадыри, не вызывает сомнений.

Писатель Х. Дустмухаммад в документальной повести «Ёлғиз» («Одинокий») на основе художественного вымысла воплощает один из пластов реальности, связанный с подсознательными и сознательными процессами А. Кадыри. Так, в период ареста герой испытывает столь острую тоску по детям, что внезапно начинает рассказывать сказку «Ростгўй» («Правдивый») сыну Х. Кадыри и дочери Назифе. При этом изображаемое событие развёртывается исключительно в сознании самого А. Кадыри – человека, находящегося в заключении и не понимающего причин своего удержания под стражей:

“Бир бор экан, бир йўқ экан, қадим ўтган замонда, йўқ, айна бизнинг замонда, Тошкент деган томонда, шаҳарнинг Эшонгузар отлиқ депрасида мулла Ростгўй деган одам яшаган экан. Муллалиги учун ростгўйми, ростгўйлиги муллалигиданми – билиб бўлмас экан. Болаликдан кўп

мақтаб кўрган, хат-саводли амаки экан. Кўрган-эшитган воқеаларидан турффа мақолалар ясаб ташлайверар, ёзганларини дам газит-дам журналларда бостиришини одат қилган экан. Унинг ёзганларини одамлар талашиб-тортишиб ўқийдирган бўлишибди. Бунга сайин Ростғўй амаки гайратига гайрат қўшилар, қанча кўп рост гапни ёзсам одамлар ўқигани сайин билими ошади, билими ошгани сайин фикри-зеҳни тараққий топади, бунга сайин яшаи тарзи янгиланади, деб қаттиқ ишонар экан. Матбуот жони-дили ва бирдан-бир ишонгани-инонгани экан.

Хуллас, кунлардан бир куни мулла Ростғўй аччиқланиб юра-юра мардуми авомнинг фикр-ўйига кўрсатармикин, одамларни гафлат уйқусидан уйғотармикин деган умид-истакда “Йиғинди гаплар” деган шапалоқдеккина мақола ёзибди. Қаттиқ ёзибди, ачитиб-ўймалаб оладиган қилиб ёзибди. Киноя ва пичинларни қалайтириб ёзибди. Мақола...” [5, 80]

Создавая документальную повесть «Ёлғиз» («Одинокий»), писатель Х. Дустмухаммад с высокой степенью художественного мастерства воспроизводит атмосферу эпохи – от момента заключения А. Кадыри до времени вынесения ему смертного приговора, – а также передаёт психологический фон периода, отмеченного потоком клеветы и наветов, и фиксирует враждебность противников, направленную против писателя. Говоря о жанрово-композиционной специфике документальной (биографической) повести, прежде всего следует подчеркнуть способность автора синтезировать предельные душевные страдания человека, его горе и тревоги, а также проявления «чуждости» и отчуждения, начавшиеся в 1926 году, и представить их в цельной художественно-документальной структуре. Не случайно Ш. Ризаев, предваряя повесть вступительным словом, даёт ей высокую литературоведческую оценку, отмечая, что даже если бы произведение было озаглавлено «Дарднома» («Книга боли»), автор ничего бы не потерял.

Профессор Ш. Ризаев во вступительном слове к повести формулирует следующие соображения: «Читая повесть, вы встретите слово «ёлғиз» («одинокий») не менее полусотни раз; ближе к финалу в речи героя оно трансформируется уже в категорию «фардлик» («индивидуальность», «одиночество»). Почему именно это слово столь настойчиво вынесено в заглавие и многократно повторяется? Не является ли это признаком слабости, творческой беспомощности или недостатка мастерства? Нет, напротив: всё присутствует, и мастерство – тем более; оно не могло бы утвердиться, если бы за полвека не было отточено. Суть же в том, что у этих примерно пятидесяти употреблений «ёлғиз» нет единственного, раз и навсегда заданного определения. Слово, которое прежде выступало в функции определения (одинокий человек, одинокая женщина, одинокая тропа...), теперь само превращается в имя, требующее уточняющих характеристик: А. Кадыри – одинок в литературе, одинок в «Муштум», одинок в умении говорить горько и язвительно, одинок в камере, одинок вследствие остроты пера и равнодушия; «понявший человек одинок среди непонявших» – и т.д. Умея дать описания и развернутые характеристики десятков таких «одиноких», автор раскрывает сущность Абдуллы Кадыри как уникального, неповторимого «одинокого явления», то есть выводит на первый план саму природу одиночества. Его величие и масштаб раскрываются именно через эти ракурсы одиночества». [2, 8]

Из приведённого фрагмента видно, что Х. Дустмухаммад тщательно и вдумчиво изучил мемуарное произведение «Отам хақида» («Об отце»). Единым эстетическим центром, объединяющим оба текста, выступает личность А. Кадыри – величие его духовного мира, психологии и характера. Иными словами, Х. Дустмухаммад с глубоким уважением и искренним почтением фиксирует внутреннюю боль и страдания этой личности, а также её масштабные размышления и тревоги общечеловеческого и национального порядка – о судьбе народа и родины. В возникновении данной повести действительно исключительно значима роль воспоминаний, написанных сыном А. Кадыри. Стремление автора проникнуть в самые скрытые углы жизненного опыта, показать динамику роста и изменений личности А. Кадыри и ярко художественно воплотить реальность, питаемую мотивами «Йиғинди гаплар» («Сборные слова»), в полной мере подтверждает высказанные выше соображения.

Абдулла Кадыри публикует статью «Йиғинди гаплар» («Сборные слова») под псевдонимом «Овсар» в журнале «Муштум». Продолжая сказанное, можно отметить, что принцип прямого высказывания истины, проявившийся в данной статье, в последующем существенно повлиял на положение Абдуллы Кадыри: его деятельность оказалась под пристальным вниманием оппонентов; в окружении писателя, наряду с внешне доброжелательными людьми, обнаруживались лица, стремившиеся выяснять его намерения и передавать сведения властям. Х. Дустмухаммад, тщательно изучив как саму публикацию, так и корпус материалов о личности и общественно-

творческой активности Кадыри, впоследствии создаёт документальную повесть «Ёлғиз» («Одинокий»). В целом это свидетельствует о том, что принципиальность жизненной позиции А. Кадыри не носила декларативного характера: в его иронии и в его серьёзных рассуждениях концентрировались весомая правда и глубокая забота о судьбе народа и нации.

В рассматриваемой статье, обращаясь к государственным руководителям со своими «ййғинди гаплар» («Сборными словами»), А. Кадыри действительно демонстрирует верность собственной жизненной позиции: его острые переживания о народной судьбе, выраженные без стремления кого-либо щадить, разворачиваются через иронию, колкости и саркастический смех. В результате отношение окружающих к личности А. Кадыри постепенно становится всё более настороженным и напряжённым. Философская и по-настоящему мудрая, дальновидная, тонко чувствующая и интеллектуально одарённая натура А. Кадыри, достигшего к тому времени тридцатидвухлетнего возраста, нередко служит его многочисленным недоброжелателям «материалом» для обвинений и домыслов. Однако сам А. Кадыри на этом не останавливается: напротив, он продолжает движение вперёд, стремясь реализовать значительные цели благодаря собственным знаниям и проницательности.

Модус художественности – как результат духовного и эстетического выбора – проявляется здесь особенно отчётливо. В мемуарном произведении «Отам ҳақида» («Об отце») интерпретация феномена А. Кадыри в следующих аспектах представляется обоснованной:

1. в том, что в глубинной сущности романа «Минувшие дни», обращённого к эпохе ханской власти, выражена своего рода «пророческая» системная целостность, а также синтез ценностей, которые и сегодня продолжают жить в национальном сознании и чувстве, оставаясь рядом с нами;

2. в том, что Х. Кадыри, описывая поступки и поиски, прошлое и внутренние страдания отца, подчёркивает его семейную ответственность, любовь к детям, а также значимость принципа самовоспитания через чтение и постоянное самообразование;

3. в том, что в художественной ткани обоих произведений подлинная истина проводится сквозь «завесу тайны», а её осмысление («усвоение») в перспективе современного сознания и культурного уровня читателя сохраняет принципиальную актуальность;

4. в том, что в мемуарах идеализация А. Кадыри соотнесена с укоренившейся в общественном восприятии оценкой личности (ШАХС): сходство этих оценочных представлений и способы их художественной реализации ярко обнаруживают соответствующие грани авторского мастерства.

Художественный психологизм в мемуарном повествовании насыщает текст не только изображением личности А. Кадыри, но и репрезентацией деятельности любого человека его эпохи, находившегося с ним в одном историко-культурном времени. Уместно отметить, что «в истории литературоведения неоднократно рассматривались различные грани мировоззрения А. Кадыри и формы выражения в его произведениях. Однако наиболее существенный фактор, составляющий ядро духовно-нравственного мира писателя, – проблема художественного воплощения исламских понятий – не был исследован беспристрастно. Стремление к жёсткой редакции текста, игнорирование мировоззрения автора, недооценка тонкой и изящной специфики словесного искусства, одностороннее истолкование любой реальности с позиций партийной политико-идеологической установки, склонность представлять иного как ошибающегося, а себя – как носителя абсолютной правоты, желание наставлять и поучать – всё это было характерно для вульгарно-социологического анализа. Естественно, что при переводе событий реальной жизни на язык искусства неизбежны различия: писатель – не историк. Иными словами, в художественной интерпретации мир автора и его взгляды отражаются в соответствии с законами эстетики», – пишет проф. Б. Каримов. [1, 12]

Существенность данного критического тезиса состоит в том, что исследователь выдвигает методологически значимые соображения о необходимости специального изучения исламских идей в творческом наследии А. Кадыри. Созвучные и аргументированные наблюдения приводятся и в работе «Об отце». Сын писателя, в свою очередь, признаёт, что отношение А. Кадыри к религии, его вера и убеждённость, честность и нравственная чистота находятся в органическом согласии с его человеческим обликом и внутренним нравственным строем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каримов Б. Абдулла Кодирий феномени. – Т.: “Info Capital Group”, 2019. – 480 б.

2. Ризаев Ш. Китобдаги сўз боши. – Т.: “Фан”, 2007. – 208 б.
3. Умуров Х. Танланган асарлар. – Т.: “Фан”, 2007. – 114 б.
4. Хурлиман Нажиматдиновна Исмаилова СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ МЕДИАТЕКСТА // Academic research in educational sciences. 2022. № 12.
5. Хуршид Дўстмухаммад. Ёлғиз. – Т: “Машхур-Пресс”, 2019. – 192 б.
6. Х. Н. Исмаилова ВЕЛИКАЯ «ХАМСА» (ПЯТЕРИЦА) А. НАВОИ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОРЫВ ТЮРКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ // CARJIS. 2021. № 2.
7. Х. Н. Исмаилова ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В «ПЯТЕРИЦЕ» АЛИШЕРА НАВОИ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ «СМЯТЕНИЕ ПРАВЕДНЫХ») // CARJIS. 2021. № 2.
8. Х. Н. Исмаилова СТАНОВЛЕНИЕ ВЕЛИКОГО ГЕНИЯ УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АЛИШЕРА НАВОИ // CARJIS. 2021. № 2.
9. Ҳ. Қодирий. Отам ҳақида. – Т: “Адабиёт ва санъат”, 1983. – 180 б.
10. Ismailova, K. INTERPRETATION OF MODIFICATION OF ARTISTIC COMPONENTS. Mental Enlightenment Scientific-Methodological Journal, 4(04).2023.
11. Ismailova, X. SYSTEM OF COMPOSITIONAL UNITS IN THE WORK OF O. UMARBEKOV. Mental Enlightenment Scientific-Methodological Journal, 5(07), 75–83.2024.